

Секция: Филологические науки

Гомон Андрей Михайлович

*кандидат филологических наук, доцент кафедры
украинского, русского языков и прикладной лингвистики*

*Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»*

г. Харьков, Украина

**СПАС ОБРЕТЕННЫЙ И ЗАБРОШЕННЫЙ. ИЗ
НЕОПУБЛИКОВАННОГО И ЗАБЫТОГО Л. Н. АНДРЕЕВА:
«НЕРУКОТВОРНЫЙ ОБРАЗ» (1915)**

Несмотря на то, что с середины прошлого века андрееведение развивается бурными темпами, многие грани творчества писателя по-прежнему остаются «в тени». Это прежде всего касается некоторых неопубликованных, забытых и малоизвестных произведений Леонида Андреева – таких как «Путешественник» (1901), «Мебель» (1902), «Старухи» (1905) и др.

В этом ряду также и поздняя новелла-миниатюра «Нерукотворный образ» [1], являющаяся отрывком из незаконченного произведения «Свидетель истины». Эта новелла Андреева была опубликована в 1915-м году в петербургской газете «Биржевые ведомости» и осталась совершенно не известной широкому кругу читателей и критиков.

«Нерукотворный образ» – единственное произведение Андреева, никогда ранее не переиздававшееся и только в 1990-м году оно было републиковано А. П. Рудневым, известным исследователем творчества Андреева, в московской газете «Московский церковный вестник» – издании

малотиражном и труднодоступном. Позднее исследователь еще раз вернулся к нему в своем докладе «Русское духовенство в изображении Леонида Андреева» на Международной научной конференции «Леонид Андреев и мировая культура» (к 125-летию со дня рождения), проходившей 30 сентября – 3 октября 1996-го года в Петербурге. В докладе А. П. Руднева нашла отражение творческая история этого произведения, сам же текст доклада остался, к сожалению, неопубликованным. Следует также отметить, что эта новелла не была включена в наиболее полное на то время шеститомное собрание сочинений Л. Н. Андреева и оказалась практически вне поля зрения литературоведов.

В «Нерукотворном образе» (как и ранее в «Царе» («Из глубины веков») (1904), «Бен-Товите» (1905), «Елеазаре» (1906), «Иуде Искарите» (1907)) Андреев широко использует метод дописывания, который не требует существенного фабульного переосмысления традиционного материала. Как отмечает А. Нямцу, «дописывание, не затрагивая принципиально сюжетную схему образца, осовременивает ее за счет включения ранее отсутствовавших эпизодов, более или менее значительного расширения намеченных в произведении сюжетных ходов и ситуаций. Для дописываний характерна тенденция к углубленной психологизации традиционных ситуаций, их событийной конкретизации и бытовой детализации» [2, с. 96-97].

«Нерукотворный образ» продолжает тему, начатую «Бен-Товитом» (1905), – испытание обычного человека чудом (подвигом) Христа; в данном случае – обретением нерукотворного образа Спасителя. В отличие от «Бен-Товита», у героев этой новеллы нет имен, оба персонажа равно безымянны и безлики: «некто осторожный» и его жена, – обыкновенные люди, обыватели, невольно становящиеся свидетелями страданий Христа в его крестном пути на Голгофу.

Вначале «добрая женщина», искренне жалеет «того Человека», мучимого жаждой; в глиняном сосуде она приносит воды и дает пить Иисусу. Ее муж, «некто сострадательный, бережливый и осторожный» также сочувствует Иисусу, – он приносит и подает Ему «чистый плат, хорошо выбеленный на солнце» со словами:

« – На Твоем лице кровь. Вытри лицо этим чистым платком и Тебе станет легче» [1, с. 3].

Но вот «дальше повели Иисуса. Опустела дорога <...> только валялся слегка потоптанный ногами плат, да стоял на высоком камне глиняный кувшин...». И сердобольные простые люди тут же начинают сомневаться в правильности своих искренних душевных порывов: «добрая женщина» разбивает кувшин, подумав: «нехорошо и мне и моим детям пить из сосуда, из которого пил Злодей»; «взял свой плат и некто сострадательный <...> и отдал своей жене, чтобы вымыла его хорошенько и сохранила для надобностей домашних» <...> «Когда же наступил вечер, пришел и страх для обоих <...> нельзя было смыть того, что выступило на его шероховатой поверхности. Это был лик Иисуса, как бы нарисованный неким великим живописцем, могущественным в красках и силе изображения» [1, с. 3].

Теперь уже «некто осторожный и мнительный» и его жена, ужаснувшись происшедшему «как колдовству», решают (по логике «как бы чего не вышло») уничтожить чудом явленный образ, «пока не свершил он непоправимого». Но чудотворный образ Спасителя оказывается неуничтожимым: «Принесла нож жена <...> но не взял нож мягкой ткани <...> по волокнам ее скользил безвредно и плоско <...> развела огонь жена – и не взял огонь мягкой ткани <...> Даже края не обуглились <...> не сгорела – и не потемнела ткань. Отдавал железу – не взяло железо; отдавал огню – не взял и огонь» [1, с. 3].

Как и в «Бен-Товите», в «Нерукотворном образе» Андреев горько иронизирует над мелочностью и неспособностью людей осознать и оценить в полной мере все величие и провиденциальность происшедшего с ними. В финале писатель саркастически подчеркивает трусость и филистерское лицемерие такого одномерного «человека середины» (Зомбарт), заключенного в четырех стенах своей частной жизни: «Ужаснулся тогда некто осторожный и отнес на людную улицу, дабы бросить в добычу неведомым. А когда нес, то спиной гнулся, как вор, голосом же смеялся и шутил: пусть думает Иерусалим, что от крайнего веселия бродит по улицам некто осторожный!» [1, с. 3].

Таким образом, будучи вполне законченным произведением, новелла «Нерукотворный образ» своеобразно завершает знаменитый «библейский» цикл («Царь» («Из глубины веков») (1904), «Бен-Товит» (1905), «Елеазар» (1906), «Иуда Искарот» (1907)) и, несомненно, существенно дополняет наши представления о позднем периоде творчества одного из крупнейших писателей Серебряного века, «властителя дум» своего времени, Леонида Николаевича Андреева.

Литература

1. Андреев Л. Н. Нерукотворный образ. Биржевые ведомости. 1915. 22 марта. (№ 14741). С. 3.
2. Нямцу А. Е. Идеи и образы Нового Завета в мировой литературе. Ч.1. Черновцы: Рута, 1999. 328 с.